

УДК 930.85

**ПОД ЗНАКОМ ИДЕОЛОГИИ КОМПРОМИССА:  
ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ ПО ТУ СТОРОНУ  
ПОСТМОДЕРНИЗМА**

*В.М. Бухараев*

**Аннотация**

В центре внимания автора находится современная историографическая ситуация, отмеченная утратой значимости идей, интегрированных понятием «французская теория», которое, в свою очередь, стало метафорой постмодернистской философии. С привлечением социолингвистических интерпретативных технологий рассматривается влияние постструктурализма на историческое познание, подводятся общие итоги дискуссий об отношениях истории с языком и текстом. На основе анализа тенденций развития гуманитарных наук автор выдвигает претендующее на роль определения положение о современной ситуации в гуманитарных науках как о *времени методологического компромисса*, открывающем новые возможности для взаимодействия различных исследовательских программ.

Известный французский языковед К. Ажеж в своей книге, посвящённой проблемам общего языкознания, задаётся рядом вопросов: если в новейшее время лингвистика внесла существенный вклад в знание о человеке, претендуя даже на роль модели для других наук, то «почему же тогда в последней четверти XX в. лингвистика утратила свой былой престиж? Почему ей не удалось сдержать свои обещания? Почему ее считают даже ответственной за эзотерические блуждания иных дисциплин, имеющих дело с языком, как, например, литературный анализ в определенном его понимании?»<sup>1</sup>.

Пытаясь ответить на им же поставленные вопросы, автор поясняет, что «лингвистика стала жертвой крайностей, умножения ненужной изоэтрности, в результате чего некоторые из ее достижений были использованы неверно. Одержимость научностью придала ее облику ложную строгость, равную которой нельзя обнаружить более нигде, включая самые точные науки. Увлечение формальной записью в конце концов загнало ее в тесную келью технического дискурса, так что с трудом можно представить себе, что предметом этого дискурса может быть человек говорящий. Ибо из него не только изгнаны история и социальность, но и человеческое превращается в нем в предметную абстракцию, а слова не говорят ни о чем»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М., 2003. – С. 279. Первое издание книги относится к 1985 году.

<sup>2</sup> Ажеж К. Указ. соч. – С. 279.

Хотя учёный ведёт речь о лингвистике в целом, не вызывает сомнений, что остриё его критики направлено против европейского, по преимуществу французского, постструктурализма – совокупности подходов и мыслительных установок «второй волны» структурализма, объединяемых ныне появившимся за Океаном термином *French Theory*<sup>1</sup>. В свою очередь, «французская теория» обрела в глазах научного сообщества статус своего рода методологического арсенала постмодернизма, сиречь идеологического проекта, связанного с радикальным пересмотром классического рационализма и традиционных ориентиров метафизического мышления, обобщённо говоря, главных идей и ценностей Просвещения.

Инвективы К. Ажежа в адрес постнеклассической теории языка примечательны тем, что в них *in pace* обозначаются те позиции, с которых десятилетие спустя после выхода его книги развернулась «антиреволюционная» деятельность сторонников классической теории познания, и неспроста. Голосом профессора Практической школы высших исследований говорила вся традиционная филологическая наука, на которую покусилась постмодернистская философия, вставшая на путь отказа от самой идеи референции: утверждая восприятие семиотических сред как самодостаточной реальности вне всяких гарантий со стороны внетекстовых феноменов, она отвергала классическое требование определённости значения, жёсткой соотнесённости его с конкретным денотатом в пользу программной открытости значения с неисчерпаемым множеством культурных интерпретаций.

Изъяны парадигмы «гипотетического порядка и временного смысла», несовместимой с идеей онтологически заданной связанности означающего с означаемым, хорошо просматривались с позиций самой лингвистики, а в теоретических спорах аргументы самокритики весомее возражений «извне». Поэтому когда представители различных направлений гуманитарных наук всерьёз вознамерились отнять у «розы» данное ей У. Эко многоликое «имя» и заставить – согласно шекспировской рецептуре – «розу пахнуть розой», а не источать от случая к случаю чего ни попадя, тогда и оказались как нельзя более кстати выпады К. Ажежа и других визионеров просветительства против постструктуралистской зауми вроде «пустого знака» и «смерти автора». Постмодернизм вырос из философии языка, и дисквалифицировать его представлялось возможным только на основе признания незыблемости традиционной онтологизации значения.

Стремление возратить слову как выраженному понятию его денотат в качестве онтологического гаранта семантической определённости, вернуться к до боли знакомому представлению о внеязыковом бытии автохтонной реальности как раз и составляет подножие разнообразных аргументов против постструктуралистской «логофобии»: после сорока лет развития «французской теории» «основные предрассудки, с которыми она боролась и которые связаны с непроясненностью традиционных понятий “литература”, “автор”, “реальность”, “чи-

---

<sup>1</sup> С.Н. Зенкин, филолог, специалист в области исследований культуры, подмечает, что «выражения типа *French Theory* – не нейтральные, а оценочные, в них прочитывается недоверчивая отстраненность («французские штучки»), а то и прямое неприятие» (Зенкин С.Н. Наследники структуралистского Просвещения // Интеллектуальный форум. – 2000. – № 2. – С. 195–196).

татель”, “стиль”, “история литературы”, “художественная ценность”, так и остались неустранными, их демистификация не дала решительного результата, и все они продолжают благополучно бытовать в литературоведческой практике. Радикализм “французской теории” оказался во многом бесплодным – он только мешал ей здраво оценивать собственные силы и сложность проблем, которые она ставила. В ней было много революционно-“демонического героизма”, но недостаточно “здорового смысла” (подзаголовок книги Компаньона – “Литература и здравый смысл”)<sup>1</sup>.

Период «бури и натиска», отмеченный междисциплинарным трансфером французской мысли, интегрированной понятиями «постструктурализм» и «постмодернизм», подходит к концу: язык Деррида и Фуко, Делёза и Гваттари, Лиотара и Бодриера оказывается ныне в одном ряду с прочими «иностранными языками»<sup>2</sup>. Наука однозначности не признаёт, для иных разговаривающих с «прононсом» этот период и не начинался. Поскольку поворот к герменевтике и семиотике явился результатом различных и противоречивых традиций, то «сами термины “постструктурализм” и “постмодернизм” едва ли были бы приняты многими из тех, кто принадлежал к этим традициям»<sup>3</sup>. Это не меняет дела, кто из мыслителей безропотно соглашается занять то место, что бывает ему уготовано в научной иерархии? Под огонь критики попали практически все гуманитарии, кто числится по ведомству постмодернизма, причём атака на редуты «французской теории» на рубеже XIX – XX веков вышла как на международный, так и на междисциплинарный уровень<sup>4</sup>.

Серьёзный счёт к «французской теории» предъявляют служители Клио, поелику решительно настроенные мыслители из Парижа вообще поставили под сомнение дисциплинарную историографию. Участвующий в проводах «французской интеллектуальной революции» методолог замечает, что её конец фиксирует точнее всего «утрата первостепенной и уникальной значимости французской теории для русской мысли»<sup>5</sup>. В историческом ответвлении этой мысли неодобрительное отношение к французским новациям стало складываться раньше, чем в других отраслях гуманитарного знания. От любви беды не ждёшь, а надо бы. Столь воодушевлявшая отечественных историографов структуралистская по своим ориентациям «история ментальностей» – программный продукт школы «Анналов», обретая особенную стать «исторической антропологии», обернулась постструктуралистским антиисторизмом. Последний – во все не *deus ex machine*, а результат объявленного самоубийства структурализ-

<sup>1</sup> Зенкин С.Н. Указ. соч. – С. 198. А. Компаньон – французский литературовед, относившийся к группе младших теоретиков постструктурализма 60–70-х годов, ученик лингвиста-теоретика, философа и психоаналитика Ю. Кристевой – одной из ключевых фигур постмодернизма. В конце 90-х годов Компаньон выступил с развёрнутой критикой, вернее, самокритикой постмодернистской философии в книге «Демон теории: Литература и здравый смысл».

<sup>2</sup> См.: Компаньон А. Почему французский становится таким же иностранным языком, как и все прочие? // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре. – М., 2005. – С. 11–24.

<sup>3</sup> Джойс П. Конец социальной истории? // Современные методы преподавания новейшей истории: Материалы из цикла семинаров при поддержке TACIS. – М., 1996. – С. 121.

<sup>4</sup> См.: Бухараев В.М., Степаненко Г.Н. Идеология и научное познание: от конфликта до компромисса // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – Т. 148, кн. 1. – 2006. – С. 64–65.

<sup>5</sup> Дмитриев А. Русские правила для французской теории: опыт 1990-х годов // Республика словесности... – С. 188.

ма, который перечеркнул свои же принципы релевантности, коммутации и интеграции, доработавшись до «структуральности структуры». В регистре эдакой структуры «в квадрате» история выглядит как хаос совершенно случайных событий, не обладающих внутренней связностью и не знающих какой-либо необходимости и логической последовательности.

Можно сожалеть о том, что в России интерес к проблеме менталитета, а затем и лингвистический поворот были мало связаны с постструктурализмом вследствие ограниченной рецепции здесь французской теории<sup>1</sup>. Однако историки, и не только в родных пенатах, знали, что делали, когда дистанцировались от «постструктуралистских веяний». Бесспорно, «с появлением постмодернистской историографии, особенно в истории ментальности, впервые произошёл разрыв с ... вековой эссенциалистской традицией»<sup>2</sup>. Но что с того, если «доведённые до предела, постмодернистские критические настроения грозят разрушить основы исторической науки»?<sup>3</sup> Так что в защите своей титульной позитивной «прорицателям о прошлом» было не до сантиментов. Не говоря уже о другом: как едко заметил один американский филолог, «историки агрессивно ведут себя с конкурирующими областями знания»<sup>4</sup>. Трудно удержаться от уводящего в сторону замечания: агрессивность историков – это прямое следствие того, что историография в наибольшей степени среди других гуманитарных наук испытывает на себе коррумпирующее воздействие этатистского мировоззрения – евангелия от безымянного автократора.

Впрочем, не стоит преувеличивать значение антиструктуралистской «контрреволюции»: термидор, отсекая крайности радикальных программ, принимает на себя обязательства душеприказчика революции. Усилий веберовской социологии вкупе с критической философией К. Поппера не хватило для того, чтобы расшатать соответствующее аристотелевой картине мира «представление о непосредственном доступе к истине – с помощью очевидной пронизательности разума или точного наблюдения»<sup>5</sup>. Для того-то, знать, и был явлен постструктурализм, чтобы лишить познавательную модель очевидности звания гаранта истины и достоверности. Основные инвестиции в антропологический сдвиг социогуманитарного знания сделаны именно что лингвистикой: «Вечный спор о самоопределении истории по отношению к искусству и науке прошедшее столетие повернуло в русло дискуссий об отношениях истории с языком, дискурсом и текстом. “Поворот к языку” явился, возможно, главным итогом интеллектуальной истории XX века и привел к пониманию того, что прямой доступ к исторической реальности невозможен: представая перед нами в тех или иных вариантах языковой репрезентации, она всегда *уже* истолкована»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Дмитриев А. Указ. соч. – С. 183–184.

<sup>2</sup> Анкерсмит Ф. Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории... – С. 156.

<sup>3</sup> См.: Гуревич А. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. Человек в истории. 1996. – М., 1996. – С. 7.

<sup>4</sup> Козн С. Историография и восприятие французской теории в Америке // Республика словесности... – С. 174.

<sup>5</sup> Альберт Х. Трактат о критическом разуме. – М., 2003. – С. 50.

<sup>6</sup> Трубина Е.Г. «Метаисторики» и история // Уайт Х. Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург, 2002. – С. 505.

В самом деле. Использование получающего всё большее распространение термина «after-postmodernism»<sup>1</sup> предписывает рассматривать в качестве мейн-стрима современного гуманитарного знания те идеи и концепции, которые связаны с критическим освоением постмодернистской классики деконструктивизма. Однако, говоря языком физики, это только первое приближение к объекту: заявляет о себе потребность в системе понятий, образов, определений, маркирующих мизансцены драмы гуманитарного познания в мире «после постмодернизма». И то, «безымянна тварь земная, покуда – что мышь по васильковому полю – не побежит от своего творца, в чудном страхе стремясь на волю»<sup>2</sup>.

Размышления отдающего дань постмодернистской поэтике литератора не почему-нибудь перекликаются с речеворечением Ю. Кристевой, касающемся роли понятий в процессе развития научного знания: «Известно, что обновление научной мысли происходит лишь в результате обновления терминологии и благодаря ему: собственно говоря, новое знание возникает лишь тогда, когда возникает новый термин, будь то “кислород” или “исчисление бесконечно малых”»<sup>3</sup>. Согласно Кристевой, творчество которой отмечено своеобразным сопряжением глубокой рецепции лаканианских – не порывающих в целом с просветительской традицией – идей с радикальным пересмотром основ традиционной интеллектуальной культуры, именно Ж. Лакану «мы обязаны первым прорывом за барьер позитивизма, господствовавшего в дискурсах по поводу значения», поскольку он во развитие идей З. Фрейда «не только настоятельно подчёркивает, что означающее предвосхищает смысл, но и радикально переосмысливает соотношение между смыслом и означающим как отношение “не настаивать на себе в” (insistanc), а не “состоять в” (consistanc)»<sup>4</sup>.

Кристева хорошо знала, о чём говорила. Сформулированное ею понятие «интертекст» легло в основу ключевой для постмодернизма концепции интертекстуальности, что способствовало стремительному трансферу гуманитарных наук от структуралистской концепции языка Соссюра к постструктуралистской номадологии, соответственно – возведению на пьедестал Frensch Theory. Но. «Кавалергарда век недолог». Ныне уже на постмодернизм наводят «хрестоматийный глянec», а забронзовавшие памятники мысли вечно молодящаяся наука имеет обыкновение с пьедесталов свергать. «Новые термины» потребны теперь для того, чтобы в «эпоху послереволюционного похмелья и разочарования, в эпоху отступления радикальных учений в политике и культуре»<sup>5</sup> (добавим – в эпоху возрождения «разрушенной» было поэтики) задать новые ориентиры развития гуманитарного знания.

Справедливости ради надо сказать, что процесс конструирования новых – «постреволюционных» – дискурсов, обнаруживающих себя посредством определений, не актуален для тех специалистов, что склонны смотреть на превратности интеллектуального движения, по сути дела, через призму классической концепции рациональности, не поддавшейся «пагубному» влиянию постструк-

<sup>1</sup> См.: Постмодернизм. Энциклопедия. – М., 2001. – С. 8–9.

<sup>2</sup> Кенжеев Б. Невидимые: Стихи. – М., 2004. – С. 180.

<sup>3</sup> Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М., 2004. – С. 58.

<sup>4</sup> Там же. – С. 305–306.

<sup>5</sup> Зенкин С.Н. Указ. соч. – С. 216.

туралистского шизомышления: «Историография – форма внедрения идеологий, проекций и желаний, которые регулярно становятся предметом “общественного обсуждения”, что укрепляет существующие взаимосвязи. Обычная институционализированная историография всегда возвращается к *некоему* верному или здравому смыслу, в борьбе против парабазисов или разрывов, которые могут случиться в любой момент повествования. Возможно, что “когда-то” историография действительно была местом, где субъекты могли обрести язык и “помечтать” об альтернативах неподатливой реальности; однако в наши дни институциональная историография не терпит бесконтрольной иронии и все более подозрительна к требованиям риторического или критико-лингвистического анализа. Все это вывела на свет французская теория историографии»<sup>1</sup>.

Тональность сего пассажа, презентующего интеллигентную версию классического учения о познании, воскрешает в памяти заседания партийных комитетов в некогда существовавшей стране. Эмпиризм классической выделки говорит о том же, но на другом языке: «полвека шумит народишко в сорбоннах и йелях, пишет книги, спорит, – где следы всего этого в истории?.. Где, в чем, как Французская теория за полвека существования вышла за пределы академической тусовки? Вы ведь не читаете статей о геологии Ботсваны и вариациях обрядов жертвоприношений богине Кали в различных деревнях Бенгала, правда?»<sup>2</sup>

Каждому – своё, особенно в истории науки. Прежде чем пренебрежительно именовать замысловатые взаимоотношения постмодернизма и исторической мысли современности «кухонной сварой нескольких десятков университетских профессоров бог знает о чем», М.И. Печерскому не мешало хотя бы бросить взор на то, какую реакцию на «французскую теорию» выказала медиэвистика – главный бастион мировой дисциплинарной историографии. «Вызов, брошенный постмодернизмом, – пишет один из представителей науки о Средних веках, – заставляет нас разработать подобную (постмодернистской платформе – В.Б.) комплексную стратегию исследований и чтения, несмотря на то обстоятельство, что ее не так-то легко теоретически обосновать. Кроме того, ясно, что многие историки уже подняли перчатку и руководствуются постмодернистскими приемами на практике, даже если они пока и не высказали в полном виде свои теоретические посылки»<sup>3</sup>.

Как-то же надо означить эту своеобразную историографическую ситуацию? Утвердительно отвечающие на этот вопрос историки науки пытаются этим делом заниматься, поскольку всякое понятие, которым пользуется тот или иной специалист, по своему содержанию и по своему объёму находится в зависимости от того, что совершается в его мышлении и какое место в создаваемом им дискурсе занимает данное понятие.

Не стоит только заблуждаться относительно строгого характера и неограниченных эвристических возможностей социально-исторических понятий, причём перестать считать звёзды удалось в немалой степени благодаря сума-

<sup>1</sup> Козн С. Указ. соч. – С. 147.

<sup>2</sup> Зенкин С.Н. Указ. соч. – С. 220. Автор цитирует строки из адресованного ему письма работающего в США филолога М.И. Печерского.

<sup>3</sup> Стигел Г. К теории среднего плана: историописание в век постмодернизма // Одиссей. Человек в истории. – М, 1995. – С. 218–219.

сбродным порывам постструктурализма. Его влияние явственно прослеживается в рассуждении о понятиях истории одного из самых авторитетных ныне теоретиков историознания Ф. Анкерсмита: «Особенностью историографии, а также (отчасти) социологии и психологии является то, что в них формирование понятий происходит без соответствующего построения теорий. Введение понятий, таких как “Ренессанс”, “политическая власть” или “социальный класс”,... часто происходит без формализованных теорий, четко определяющих свойства этих ”вещей“, ибо эти теории не были или не могли быть разработаны. В результате, когда в социальных науках пытаются создать формальные теории относительно этих вещей или явлений социально-исторической реальности, их создателям едва ли когда-либо удастся выделить те и только те переменные (т. е. свойства социально-исторических явлений), с помощью которых можно точно описать эти явления»<sup>1</sup>.

Сказанное в полной мере применимо к базовым для новейшей истории и философии науки актам мышления, каковыми выступают «постмодернизм» и «after-postmodernism»: свидетельствуя о действительности ситуации на поле интеллектуальных разысканий, эти понятия не имеют парадигматического определения, по-иному выражаясь, не являются логическими понятиями, определяющими реально существующие объекты. Из этого следует не только неправомерность сколь-нибудь строгой логической или хронологической локализации «постмодернизма» и ситуации «после постмодернизма», но и признание того, что наука по сию пору имеет дело с продолжением и завершением традиции модернизма. Правда, с таким завершением, которое хотя и не может рассчитаться с модернизмом, но видоизменяет его настолько, что едва ли не превращает маргинальность в норму культуры.

Во всяком случае, историкам приходится с романтической грустью вспоминать времена, когда понятия и образы науки обладали в глазах сообщества интеллектуалов свойством «достаточного обоснования». Теперь же поиск надёжных оснований сродни экзистенциальному поиску «утраченного рая». Но при этом не мешает заглянуть правде в глаза: для многих производителей исторических образов понятия как были «формой человеческого мышления, в которой выражаются общие, существенные признаки вещей, явлений объективной действительности»<sup>2</sup>, так, в сущности, и остались. По-иному видеть мир наука и культура, опирающиеся на традиции Просвещения и её бедового чада – Модерна, не могут и не хотят. Дело тут не в простом расчёте, а в мировом законе современной евроатлантической социальности, а может быть, – человеческой коммунальности вообще. На чём-то же должен стоять Град земной?

Перед лицом таких неодолимых обстоятельств остаётся разве что напомнить, до чего доработалась избежавшая постмодернистского эпатажа лаконианская мысль в процессе истолкования «дискурсов по поводу значения»: означающее скользит над означаемым, и их «пристёжка», порождающая смысл, происходит произвольно, в режиме неконтролируемой случайности. Говоря с последней прямоотой, означающее есть то, что репрезентирует субъекта для другого означающего, хотя и принято предаваться вполне функциональной для теоретического сознания иллюзии, что означающее отвечает функции репре-

<sup>1</sup> Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. – М., 2003. – С. 218–219.

<sup>2</sup> Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М., 1952. – С. 397.

зентации означаемого. Поэтому наивно сетовать, что в науке и политике накопилось много терминов, не отражающих реальных взаимосвязей. Дайте срок, на мельнице понятий будут смолоты попавшие в её жернова социальные символические отношения.

Стремление дать имя эпохе, полосе развития сталкивается с особыми затруднениями, поскольку в этом случае означаемое может найти прибежище под означаемым не только получив санкцию со стороны научного сообщества, но и попадая в резонанс с доминирующими культурно-лингвистическими и идеологическими тенденциями. Поэтому всякую попытку заполнить бреши в существующей системе представлений надлежит рассматривать в качестве очередного шага в направлении смысла<sup>1</sup>.

Автору этих строк уже приходилось говорить об эвристическом значении одного определения<sup>2</sup>, которое обрело свойство внятного смыслового хода: «Под влиянием “лингвистического поворота” и конкретных работ большой группы “новых интеллектуальных историков” радикальным образом преобразилась история историографии, которая неизмеримо расширила свою проблематику и отвела центральное место дискурсивной практике историка. Отклоняясь в сторону литературной критики, она имеет тенденцию к превращению в ее двойника – историческую критику, а возвращаясь – обновленная – к “средней позиции”, получает шанс стать по-настоящему самостоятельной и самоценной исторической дисциплиной»<sup>3</sup>.

«Средняя позиция» служит кодом, обеспечивающим перекличку, взаимотсылку всех тех подступов к обновлённой концептуалистике, что выражают неприятие крайностей, будь то историографическое картезианство, предлагающее историку набор освещённых «большими» идеологиями матриц для отображения прошлого, или же постмодернистское видение истории как неупорядоченной совокупности происшествий. Для самих научных практик это означает легитимацию сосуществования позитивистской и неокантианской парадигм, говоря словами незабвенного А.Я. Гуревича, двух подходов: «Нет истории без источника» и «Нет истории без историка». На основе фактического признания формирующего влияния языковых форм, которое предшествует всякой нарративной субстанции, прозвучал вывод о том, что синтез положительной науки и исторической антропологии суть «наиболее результативный способ более полного охвата типологических и индивидуальных особенностей изучаемой реальности»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> В связи с 15-летием событий августа 1991 года публицист обратил внимание на то, что «официальное название тех событий так и не определено», а «значит, российское общество до сих пор окончательно не решило, что означали для истории страны в целом и для каждого гражданина в отдельности эти три дня. Это наверняка произойдёт, но позже. Когда станет очевидным результат сделанного тогда выбора» (*Дульман П.* Где вы будете 19 августа? // Российская газета. 2006. 19 августа). Добавим: конечно, произойдёт. Только вот «официальное название» вновь встанет под вопрос, когда новые поколения узреют в этих событиях новые, ведомые им смыслы. Кстати, поэзия давно всё это объяснила: «Оказалось, человечности / Родственно понятие бесконечности. / Нету окончательных концов. / Не бывает! / А кого решают – / В новом поколении воскрешают. / Воскрешают сыновья отцов.» (*Слуцкий Б.А.* «Без поправок...». – М., 2006. – С. 330).

<sup>2</sup> См.: *Бухараев В.М., Мягков Г.П.* По обе стороны от «средней позиции»: что же дальше, историческое познание? // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. Сб. ст. – М., 2005. – С. 52.

<sup>3</sup> *Ретина Л.Л.* Новая историческая наука и социальная история. – М., 1998. – С. 235.

<sup>4</sup> *Источникведение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский и др.* – М., 1998. – С. 63.



Тезис о «средней позиции», сходные с ним положения развёрнуты в сторону дисциплинарной историографии, усвоившей уроки постмодернистского вызова. А что же «другая сторона»? Имея за плечами неосуществлённые проекты, а именно программу науки о литературе Р. Барта – группы «Тель кель» и тропологическую модель историописания, разошедшиеся с практикой организации знания концепт паралогизма Ж. Лиотара и идею «ризоматизации» научного сознания Ж. Делёза и Ф. Гваттари, не принятое образованными классами посягательство на «эдипов комплекс» как символ основы связи человека с культурой, – так вот, оставшись при пиковом интересе, «традиционный» постмодернизм – в лице той же Ю. Кристевой – участвует в арьергардных стычках с представителями аналитической философии и «историками-эрудитами», на знамёнах которых сияет надпись: «Да здравствует здравый смысл!»

Постмодернистская классика отступает на не подготовленные заранее позиции: скрепя сердце, признав свою ответственность за «кризис идентификации», ни шатко ни валко участвует в преодолении этого «кризиса» на путях «воскрешения субъекта», существенного смягчения критики референциальной концепции знака, отказа от радикальной элиминации феномена означаемого в качестве детерминанты текстовой семантики, и всё в таком же духе. Обстановка прозрачная, как стакан сырой воды: защита принципов под угрозой оказаться в положении париев научного сообщества – дело непопулярное.

Песни этого полка отзвенели. Но жизнь придумала новые, а точнее, переложила старые на новый лад. Дух и смысл постмодернизма отчетливо представлены ныне в разрабатываемых в русле социального конструкционизма различных версиях дискурс-анализа, Среди них наиболее известны теория дискурса Э. Ласло и Ш. Муфф, а также критический дискурс-анализ (Н. Фэрклоу, Л. Чоулиараки и др.) и дискурсивная психология (Д. Эдвардс, Дж. Поттер и др.). Претерпела изменение и «сословная принадлежность» людей авангарда, «аналитики» по большей части являются специалистами в области коммуникации, медийного пиара, информационных технологий и других «социально-технологических» отраслей знания. Опираясь на постструктуралистскую идею, согласно которой реальны лишь знания и представления о реальности, сторонники дискурс-анализа с раскованностью новообращённых занимают позицию больших роялистов, чем сам король, отрицая как «тоталитарные и обобщающие теории» марксизм и психоанализ.

Но кому из наследников великих теорий удавалось свести концы с концами? Новоявленные социальные конструкционисты широко используют выдвинутое в русле «структурного психоанализа» учение о субъекте Ж. Лакана и его интерпретацию С. Жижека, а идеи «гегемонии и социалистической стратегии» Э. Ласло и Ш. Муфф, чья доктрина признаётся «наиболее чистой» в смысле следования «французской теории», всё также проникнуты боевым духом радикализма марксистского толка.

Между тем современный дискурс-анализ – это продукт эпохи упадка постмодернизма, результат взаимных уступок как со стороны «традиции», так и «новации», познавшей в баталиях второй половины XX века силу сопротивления и степень жизнестойкости дисциплинарной истории перед лицом постмодернистского вызова. Поэтому приверженцы дискурс-анализа озабочены тем, чтобы анализ был «представлен ясным способом, позволяя читателю, насколько

ко возможно, “протестировать” и проверить выдвинутые заявления»<sup>1</sup>, а в исследовательской стратегии учитывались бы «любые убеждения, присутствующие во всех дискурсах и рассматриваемые как здравый смысл»<sup>2</sup>. Они демонстрируют заинтересованность в поддержании связи конструкционизма с реальностью – в том смысле, как она фигурирует в общественном сознании, квалифицируя «дискурс» как некую сущность, которая в той или иной мере может встречаться в действительности. Если допустить, прокламирует Л. Чоулиараки, что социальная реальность была бы нам дана лишь через её репрезентацию, всё равно мы бы анализировали её в качестве действительной социальной реальности, а не в виде плода нашего воображения<sup>3</sup>.

Имея одним из своих проблемно-философских оснований идеи в духе теоретического и методологического плюрализма, согласно которым существует множество равноправных типов знания («анархистская эпистемология» П. Фейерабенда, концепция конкурирующих научно-исследовательских программ И. Лакатоса, социология знания, «нередуктивный физикализм» и «текстуализм» Р. Рорти), дискурсивный анализ не только не претендует на привилегированные позиции в вопросе достижения истины, но и объявляет, что доступ к истине больше не рассматривается как привилегия науки.

Но не верьте постмодернисту, когда он насвистывает позитивистский мотив, даже если предаётся этому занятию вполне искренне. Азбука постклассического – лаканианского – психоанализа: человек сам себя не знает, поэтому данному им слову (особенно когда это слово даётся самому себе), по общему правилу, верить нельзя. А что уж говорить о служителях истины – особах не просто с переменчивым, а внезапно переменчивым характером?

Новые социальные конструкционисты, не желая занимать маргинальное положение в современной социогуманитарии, апеллируют к «здравому смыслу», ставшему брендом просветительского толка «реставрации». Это не более чем идеологическая риторика под стать моменту. Дискурс-анализ берёт на мушку «само собой разумеющееся знание» – инословие всё того же «здорового смысла»: «сущности, которые мы видим как объективные и естественные, в действительности – лишь изменчивые комбинации элементов, которые когда угодно могли артикулироваться по-другому», следовательно, «само собой разумеющееся знание» (читай: фундированное в системе классической рациональности) ограничивает «возможности для размышления и действия». Напротив, разоблачение подобного рода знания «позволяет открыть путь другим возможностям», поэтому «такое разоблачение само по себе может явиться целью критического анализа»<sup>4</sup>. Оно таковым и является.

Что это, если не симптом грядущей масштабной сшибки добропорядочных носителей идеи просветительского неоклассицизма и очередных «кочевников» из теоретической стратосферы, не желающих смириться с «шизофренизацией» человека и его истории под прикрытием торжества «здорового смысла»?

<sup>1</sup> Филлипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, 2004. – С. 266.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> См.: Chouliaraki L. Capturing the «contingency of universality»: some reflections on discourse and critical realism // Social Semiotics. 2002. № 12(2). – P. 324.

<sup>4</sup> См.: Филлипс Л., Йоргенсен М. Указ. соч. – С. 283–284.

Всё это будет завтра, а пока есть все основания говорить о современной ситуации в гуманитарном знании как о *времени методологического компромисса*<sup>1</sup>, наступление которого исподволь готовили такие мыслители, как Ф. Анкерсмит, ратовавший за восстановление статуса исторического нарратива на неокантианской основе.

Можно, пожалуй, успокоить «тимура из пушкинской команды» (А. Немзер), озадаченного ратоборством на гуманитарном поле:

Перцепция с дискурсом расплевались –  
она его считает импотентом,  
а он её безмозглой б<...>. Что ж,  
она и впрямь не очень-то умна,  
а у него проблемы с этим делом.  
Всё правильно. Но мне-то каково?2

Периоды замирения в научных сообществах открывают немалые возможности для взаимодействия различных исследовательских программ, но у них свои сроки. В одной из своих лекций Ж. Лакан выказал нарочитое недоумение, почему такой знаток Гегеля как Ж. Ипполит<sup>3</sup> в своём переводе «Феноменологии духа» на французский язык отказался от истолкования мысли немецкого философа о том, что понятие – это время<sup>4</sup>. Это самое «тёмное» место наиболее трудного для понимания произведения философской мысли оказалось по плечу только самому Лакану, который конгениально «разговорил» Гегеля, «заманив» метафизика на поле психоанализа. Заметив: «чтобы доказать, что понятие – это время, понадобилось бы часовая лекция», которую он читать не склонен, Лакан великодушно так указал направление, в каком тут следует двигаться. Поскольку символ объекта как его понятие, находясь в распоряжении человека, способен присутствовать и тогда, когда наличного объекта уже и нет, то «во всём, что длится какое-то время в качестве человеческого, человек поддерживает определённое постоянство – и прежде всего в самом себе»<sup>5</sup>.

Ориентация на «среднюю позицию», идеология комплиментарности и дополнительности обусловлены настроем учёных тех поколений, что потворствовали разрядке научной напряжённости, а по наследству такие вещи не передаются. Сегодня идея «мирной передышки» в цене. Надолго рассчитывать не приходится – как всегда, времени помириться не будет.

<sup>1</sup> См.: Бухараев В.М. Историографическая ситуация на рубеже XIX–XX веков: время методологического компромисса? // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научн. конф. – М., 2006. – С. 7–10.

<sup>2</sup> Кибиров Т. Стихи. – М., 2005. – С. 539.

<sup>3</sup> Ж. Ипполит (1907–1968) – представитель французского ответвления неогегельянства, в 30–40-е годы вместе с Ж. Валем и А. Кожевым приложил руки к созданию «экзистенциального гегельянства». Активный участник семинаров Ж. Лакана.

<sup>4</sup> «Что касается *времени*, о котором внушалось мнение, будто оно в противоположность пространству, составляет материал другой части чистой математики (речь идёт о математической теории, в сравнении с прикладной математикой – *В.Б.*), то оно само есть налично сущее понятие. Принцип *величины* – различия, лишённого понятия, – и принцип равенства – абстрактного безжизненного единства – не способны заниматься с тем чистым беспокойством жизни и абсолютным различием. Посему эта негативность, только будучи парализована, т. е. в качестве [счётной] *единицы*, становится вторым материалом этого познания, которое, оставаясь внешним действом, низводит самодвижущееся до материала, чтобы располагать в нем безразличным, внешним, безжизненным содержанием» (Гегель Г. Феноменология духа. – М., 2000. – С. 29).

<sup>5</sup> Лакан Ж. Имена-Отца. – М., 2006. – С. 34.

### Summary

*V.M. Bukharaev.* Under the sign of ideology of compromise: humanitarian knowledge on the other side of postmodernism.

Attention of the author is focused on the current situation in historiography, which is marked by the lack of meaningfulness of ideas, integrated by the notion “a French Theory”, which in its turn became a metaphor of the post-modernist philosophy. The impact of the post-structuralism on the historical epistemology has been examined by means of the socio-linguistic interpretative methods; the concluding results of the dispute over relationship with the language and text are given. On the basis of analysis of the tendencies in the development of the humanities, the author suggests as an aspirant to the role of de termination a thesis of the current situation in the humanities, as of the period of methodological compromise, providing new opportunities for reciprocal action of different research programmes.

Поступила в редакцию  
14.09.06

---

**Бухараев Владимир Миннегович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Казанского государственного университета.